

УДК 322.2

РОДИОНОВ Владимир Александрович – кандидат политических наук, доцент кафедры истории и регионоведения стран Азии, Бурятский государственный университет (670000, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6а; vladimir_198025@mail.ru)

БУДДИЗМ И ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ В МОНГОЛИИ

Аннотация. В статье исследуется роль буддизма и его институтов в политическом процессе в постсоциалистической Монголии. В начале 1990-х гг. после провозглашения религиозных свобод в Монголии буддизм начал восприниматься как национальная религия. Однако, несмотря на поддержку со стороны государства и наибольшую популярность среди населения страны, буддизм не получил статус официальной религии, а сангха не стала доминирующим политическим институтом. Новые политические, экономические и социокультурные условия постсоциалистической Монголии оказывают существенное влияние на восприятие буддизма политической элитой и обществом.

Ключевые слова: религия, сангха, буддизм, Монголия, постсоциализм, политический процесс

На рубеже 1980–1990-х гг. в Монголии произошли события, положившие начало коренным изменениям в общественно-политической жизни страны. Политическая система, в рамках которой монополия на власть принадлежала Монгольской народно-революционной партии (МНРП), переживала острый кризис. В итоге на смену ей пришла более плюралистическая система, основанная на многопартийных выборах и разнообразии политических идеологий. Данные события позже были названы Демократической революцией 1990 года (1990 оны Ардчилсан хувсгал); они положили начало постсоциалистической трансформации монгольского общества.

Одним из ярких атрибутов демократизации Монголии стало религиозное возрождение, т.е. возвращение религии и ее институтов в публичное пространство. Начавшись с отдельных лозунгов и газетных публикаций эпохи монгольской перестройки, требовавших введения реальной свободы вероисповедания и реабилитации буддийской церкви, рассматриваемый процесс вскоре получил институциональное оформление. В 1990 г. был основан Союз верующих, целью которого стало содействие в восстановлении и открытии монастырей в худоне. В 1992 г. в Монголии были открыты около 100 буддийских храмов. Наконец, в Конституции, принятой 13 января 1992 г., помимо прочих свобод, провозглашалась свобода вероисповедания (гл. II, ст. 16, п. 51), а также запрещалась дискриминация по религиозному признаку (гл. II, ст. 14, п. 2)¹.

Наряду с буддистами, в начале 1990-х гг. открыто заявили о своих правах представители других религий Монголии – шаманизма и ислама. Кроме того, в Монголии начали свою деятельность так называемые нетрадиционные конфессии – различные христианские церкви и общины, мормоны, бахаи и др. В целом монгольское постсоциалистическое общество было глубоко увлечено религией, рассматривая ее как часть восстановленной традиции.

Члены сохранившей свои властные позиции МНРП в начале 1990-х гг., поддерживавшие идею буддизма как национальной религии, пытались продемонстрировать непричастность своей партии к массовым репрессиям против церкви и религии, перекладывая всю ответственность на СССР и его политику. Б. Даш-Ендон, избранный председателем партии в 1991 г. на XX съезде МНРП, в каче-

¹ Конституция Монголии. Принята 13 января 1992 г. Доступ: www.worldconstitutions.ru/?p=33 (проверено 07.12.2017).

стве основ партийной идеологии провозгласил так называемое срединное учение, опирающееся на буддийскую философию Нагарджуны, основателя буддийской школы Мадхьямаки.

Неотъемлемым атрибутом трансформационных процессов в Монголии был процесс переосмысления собственного исторического опыта и реформирования представлений о нации, истории и культуре посредством активного использования понятия «демократия». Буддизм в данном случае использовался для интерпретации текущих политических процессов, получив ранее неизвестные качества и атрибуты. Так, монгольские и зарубежные эксперты, объясняя природу монгольской демократизации, увидели в этом большую роль буддийской религии [Сүхбаатар; Хангал]. Мирный характер трансформации объяснялся «терпимостью и толерантностью, обусловленными традициями буддизма» [Будаева, Болортуяа 2013: 44].

В ситуации, в рамках которой буддизм стал самой популярной религией, способной дополнять ту или иную политическую идеологию или даже конкурировать с ней, перед монгольскими властями возникла дилемма. С одной стороны, светский характер государства как атрибут современной демократии не мог быть подвергнут сомнению. В то же время буддийская религия, учитывая ее популярность, не могла не использоваться в качестве действенного инструмента при решении текущих политических задач.

Несмотря на объявляемые и закрепленные в Конституции страны религиозные свободы и равенство всех религий, государство неоднократно подчеркивало свое особое отношение к буддизму как «национальной традиционной религии» (*«ндэсний уламжлалт шашин»*). Во-первых, власти вступили в открытый диалог с буддийской церковью, полностью легализовав ее статус и возвратив ей движимое и недвижимое имущество, конфискованное в эпоху социализма. Во-вторых, особый статус буддизма был прописан в законе, регулирующем отношения между государством и церковью. В частности, в ст. 4 данного закона указывается: «Монголия уважает доминирующее положение буддизма, обеспечивающего народное единство и являющегося частью культурной истории» [Төр, сүм хийдийн... 199]. Наконец, особое отношение к буддизму со стороны лидеров государства проявляется в регулярных посещениях и поддержке религиозных церемоний. Первый президент Монголии П. Очирбат участвовал в церемонии открытия статуи бодхисаттвы Авалокитешвары – Мэгжид Жанрайсэг – в главном улан-баторском монастыре Гандантэгченлин в 1996 г. Ламы регулярно приглашаются на государственные церемонии почитания священных гор в Монголии. Президент Монголии Н. Багабанди в 1998 г. на конференции, посвященной отношениям государства и церкви, отметил особый статус «национальной традиционной религии» и сильные стороны буддизма¹. Четвертый президент Монголии Ц. Элбэгдорж совершил широко освещенные прессой восхождения на священные горы Бурхан-Халдун и Богдохан².

В целом религия занимает важное место в политической жизни Монголии, а воспроизводство национальной идентичности весьма тесно сопрягается с этнорелигиозным компонентом. Даже в условиях радикально, по оценке ряда экспертов, либерального законодательства в отношении религии буддизм занимает место «объективированного» культурного фона во взаимодействии политических акторов Монголии [Бадмацыренов 2012: 143]. В условиях сложившейся политической системы существует совокупность устойчивых идей,

¹ Приветственное слово президента Н. Багабанди на конференции, посвященной отношениям государства и церкви. [Төр, сүм хийдийн харилцаа: орчин үе]. 1998. Улаанбаатар. Х. 6–10.

² President climbs to top of Bogd Khan. Доступ: <http://english.news.mn/content/129661.shtml> (проверено 07.12.2017).

отражающих ведущую роль буддизма в современном монгольском обществе, которые закрепились в целом ряде основополагающих нормативно-правовых актов и в программных документах политических партий.

Между тем тезис о религиозном возрождении в Монголии с политической точки зрения порождает вопрос о полном восстановлении статуса и роли религии и церкви, которыми они обладали в досоциалистический период. Однако именно этот вопрос сталкивается с рядом препятствий, не позволяющих механически восстановить дореволюционный статус буддизма в частности и религии в целом.

Буддийская церковь в досоциалистической Монголии представляла собой могущественный и влиятельный институт власти. Несколько столетий монастыри обладали фактической монополией на образование, являлись крупнейшими собственниками скота и пастбищ, в зависимости от церкви находились тысячи шабинаров – крепостных аратов, трудившихся в пользу монастырей [Скрынникова 1988: 55-58]. В период с 1911 по 1924 г. юридически и фактически главой монгольского независимого государства являлся верховный иерарх монгольской церкви Богдо-гэгэн VIII. Поэтому не случайно, что в первые полтора десятилетия после революции 1921 г. именно церковь была главным конкурентом государства во внутривнутриполитическом процессе в Монголии.

Начиная с 1920-х гг. со стороны государства в отношении церкви проводились мероприятия, направленные на подрыв ее экономического, идеологического и политического влияния. Согласно закону 1926 г. об отделении религии от государства, церковь лишалась возможности вмешиваться в государственные и гражданские дела. На буддийские монастыри была распространена система налогообложения. Закон о военном налоге 1935 г. предусматривал обложение всех лам от 18 до 45 лет, допуская исключение только для низших лам, которые занимаются извозным и кустарным промыслами или вообще по своей платежеспособности не могут быть обложены никакими налогами [Дугаров 2012: 90].

Однако влияние церкви и ее институтов на умонастроения монголов было настолько значительным, что все усилия государства в 1920-х гг. по созданию альтернативной светской системы образования, а также запрет 1925 г. на поиск нового богдо-гэгэна не могли серьезно изменить ситуацию. По данным 1935 г. в светских школах нового образца обучались примерно 2,7% детей школьного возраста, тогда как в монастырях – более 25% [История Монголии... 2007: 343]. Политическая роль буддизма оставалась высокой и позже. Даже премьер-министр правительства МНР и один из лидеров МНРП П. Гэндэн был склонен ставить на один уровень учение Ленина с учением Будды [Atwood 2004: 196].

В лице лам новая власть периодически встречала своего главного критика и политического оппонента. Наступая на права ламаистского сословия, некогда обладавшего безусловным политическим лидерством, государство боролось со слоем, обладавшим весьма развитым политическим сознанием. Агрессивная антирелигиозная кампания периода «левого уклона» спровоцировала массовые вооруженные выступления.

В этой связи политические репрессии 1930-х гг. против церкви были крайней мерой и во многом стали показателем слабости государства, неспособного снизить ее роль в обществе иными, более мягкими методами. В результате массовых репрессий к 1940 г. в МНР были разрушены или закрыты все монастыри и иные культовые места, а духовенство как социальная группа перестало существовать: часть были расстреляны, большая же часть переведена в светский статус. Частичная реабилитация религии и церкви в МНР в конце 1940-х – начале

1950-х гг. произошла на основе развития иного церковного института, нежели институт богдо-гэгэна. Монгольскую сангху возглавил хамбо-лама монастыря Гандантекчинлин, избираемый членами общины, а не занимающий этот пост по праву перерождения [Velka 2009: 310].

В 1991 г., уже после отмены политики официального атеизма, на съезде буддистов путем демократических выборов был избран глава Ассоциации (центра) монгольских буддистов – хамбо-лама Дамдинсурэн (в 1993 г. его сменил хамбо-лама Д. Чойжамц). Данный институт, по сути, стал альтернативой дореволюционному институту богдо-гэгэна. Сам Богдо-гэгэн IX с большим трудом в 1999 г. сумел получить туристическую визу в Монголию, а по окончании срока ее действия был вынужден покинуть страну. Возвращение богдо-гэгэна в Монголию не означало восстановление его в правах главы буддистской церкви и, тем более, главы государства. Лишь 2 ноября 2011 г. (за год до смерти) Богдо-гэгэн IX был провозглашен главой Ассоциации буддистов Монголии, что стало скорее символическим событием, нежели перераспределением властных полномочий внутри церкви.

Вследствие политики официального атеизма эпохи социализма церковь была отделена от государства, политический процесс в Монголии оказался десакрализован, а сама Монголия стала светской страной, причем не только формально, но и содержательно. В результате за годы социалистического периода в Монголии сформировалась политическая культура, основанная на принципах, отличных от предыдущих эпох: народ как источник и носитель власти, выборы как механизм легитимации власти, гражданское право как основной источник политического действия, секулярность политики. Эти принципы были инкорпорированы и в политическую систему постсоциалистической Монголии. Как следствие, современные прагматично мыслящие монгольские политики не стремятся делить власть и тем более отдавать ее в руки церковных иерархов.

В постсоциалистической Монголии монастыри не имеют финансовой и материальной поддержки со стороны государства, не являются обладателями обширных пастбищ и скота. Они сами выступают в качестве налогоплательщиков, выплачивая налоги даже с пожертвований. Монастыри современной Монголии в какой-то степени можно сравнить с организациями, во главе которых стоят директора и наемные работники в лице лам. Например, хамбо-лама, возглавляющий Ассоциацию монгольских буддистов, обязан выплачивать ламам жалование за служение монастырю. Фактически монастыри так и не вернули себе статус центров хозяйственной жизни, какими они являлись в досоциалистической Монголии. Более того, некоторые монастыри (например, первый буддийский монастырь в Монголии Эрдэни-Дзу) не являются действующими и остаются лишь музеями.

Помимо официальной политики властей, не желающих разделять властные полномочия с церковью, не меньшее значение имеет отношение населения страны к роли религии в общественной жизни, характеризующейся сочетанием индустриальных и постиндустриальных элементов [Бадараев, Винокурова, Батжаргал 2012: 82]. По данным монгольских социологов, формальная религиозность в стране за последние 30 лет несколько раз претерпевала волнообразные изменения. При этом значительный слой монгольских граждан на протяжении всего постсоциалистического периода не соотносит себя с какой-либо религией. Результаты последней переписи населения свидетельствуют, что только 53% отнесли себя к буддистам (см. табл. 1).

Кроме того, при всех попытках «вернуться к корням» большинство монголов не готовы принять религию в качестве важного фактора политического разви-

Таблица 1

Категории	1986, %	1994, %	2013, %	Данные переписи 2010 г. (из них буддисты), %*
Верующие	17,8	71,1	62,9	61,4 (53)
Не верующие	80,4	26,5	30,1	38,6
Без ответа	1,8	2,4	7,0	—

Источник: [Цэдэндамба 2014].

* Хун ам, орон сууцны 2010 оны улсын тооллогын үр дүн. 2011. Улаанбаатар. Х. 34.

тия страны. В ходе мониторинга общественного мнения, проведенного ведущим социологическим фондом Монголии *Sant Maral* в марте 2017 г., гражданам Монголии среди прочего был задан вопрос, касающийся их отношения к роли религии в общественной жизни: «Какова должна быть роль религии?». 65,9% респондентов указали, что в политике роль религии должна быть минимальной или вообще нулевой. При этом только 5,4% считают, что эта роль должна быть сильной или очень сильной¹.

Жизненные стратегии большей части населения страны также не связаны прямым образом с буддизмом и его институтами. Так, по данным официальной статистики, в 2013 г. число граждан, обучающихся в буддийских школах и при монастырях, составило 390 чел. Число детей, получающих буддийское образование на дому, в том же году составило 123 чел.² Эти цифры резко контрастируют с дореволюционной монгольской традицией, когда хотя бы один мальчик из каждой семьи отдавался на обучение в буддийский монастырь [Скрынникова 1988: 52].

Таким образом, роль буддизма в современной Монголии значительно контрастирует с периодом начала XX в. Буддизм в большей степени рассматривается как этнополитический маркер, нежели как система религиозных верований и догматов. Такие важные функции политической мобилизации, как образование и формирование мировоззрения, находятся в ведении светских институтов, а не буддийской церкви. «Религиозное возрождение» в Монголии в 1990-х гг. отнюдь не привело к полной ревитализации ламаистских институтов дореволюционного периода и обращению всех монголов к буддийской вере, а идеи реконструкции теократии оказались непопулярными и неприемлемыми как для монгольской политической элиты, так и для большинства населения страны.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского гранта РФФИ, проект № 17-01-00117 «Буддизм и национализм во Внутренней Азии».

Список литературы

Бадараев Д.Д., Винокурова А.В., Батжаргал Ж. 2012. Основные тенденции развития ценностных ориентаций в контексте трансформационных процессов в современном монгольском обществе. — *Теория и практика общественного развития*. № 5. С. 75-83.

Бадмацыренов Т.Б. 2012. Сангха и политика: политические аспекты функ-

¹ «Sant Maral» Foundation. Politbarometer, March-April 2017. Доступ: http://www.santmaral.mn/sites/default/files/SMPBE17%20Mar_Extended%20version.pdf (проверено 07.12.2017).

² Монгол улсын статистикийн эмхэтгэл-2013. Улаанбаатар. 2014. Х. 158.

ционирования буддийского духовенства Монголии и Бурятии. — *Вестник Бурятского государственного университета*. Вып. 14. Философия, социология, политология, культурология. С. 137-143.

Будаева С.В., Болортуяа А. 2013. Строительство демократии в Монголии. — *Олон улс судлал* (Улан-Батор). № 2(98). С. 44-51.

Дугаров В.Д. 2012. Некоторые формы репрессивной экономической политики МНРП по отношению к ламству в 1932–1938 гг. (по материалам архива ФСБ РФ по РБ). — *Буддизм в общественно-политических процессах Бурятии и стран Центральной Азии*: сборник статей. Улан-Удэ: Бурятский государственный университет. С. 88-91.

История Монголии. XX век. 2007. М.: ИВ РАН. 448 с.

Скрынникова Т.Д. 1988. *Ламаистская церковь и государство. Внешняя Монголия. XVI – начало XX века*. Новосибирск: Наука. 104 с.

Сүхбаатар Д. Монголын бурхны шашны сэргэлт. Доступ: <http://www.news.mn/content/62057.shtml> (проверено 07.12.2017).

Төр, сүм хийдийн харилцааны тухай. Доступ: <http://www.legalinfo.mn/law/details/485> (проверено 07.12.2017).

Хангал М. Харийн шашин оюуны соелыг устгаж байна. Доступ: <http://www.olloo.mn/modules.php?name=News&file=article&sid=1161048> (проверено 07.12.2017).

Цэдэндамба С. 2014. Нийгмийн интеграци ба задралын уйл явц дахь шаны хучин зүйл. — *Идентичности, процессы социальной интеграции и дезинтеграции в трансформирующихся обществах*. Улаанбаатар. X. 67-74.

Atwood C. 2004. *Encyclopedia of Mongolia and the Mongol Empire*. Bloomington: University of Indiana. 678 p.

Belka L. 2009. Institution of Mongolian (Khalkha) Jibzundamba Khutugtu: Religion and Politics on the Threshold of the 21st Century. — *Пятые Торчиновские чтения «Философия, религия и культура стран Востока»*. 6–9 февраля 2008 г. СПб. С. 309-316.

RODIONOV Vladimir Aleksandrovich, Cand.Sci. (Pol.Sci.), Associate Professor of the Chair of Asian History and Regional Oriental Studies, Buryat State University (6a Ranzhurova St, Ulan-Ude, Russia, 670000; vladimir_198025@mail.ru)

BUDDHISM AND POST-SOCIALIST TRANSFORMATION IN MONGOLIA

Abstract. The paper studies the role of Buddhism and its institutions in the political process of post-socialist Mongolia. In the early 1990s after proclamation of religious freedoms in Mongolia Buddhism was regarded as the national religion. Many politicians and public figures considered the revival of Buddhism as a part of the historical justice restoration. Officials stressed the special role of Buddhism in the Mongols' history and culture. However, despite the state support and prevalence among the population Buddhism did not become the official religion and sangha did not received the dominating status in political process. A number of factors could explain this situation. The first one is the legacy of the socialist past when sangha suffered heavy damage. The second one is that the features of contemporary political system of Mongolia based on the secular politics. In addition, there is no economic base of Buddhist church power. Moreover, not all the citizens of Mongolia are ready to recognize Buddhism as the official and their own religion. Thereby the role of Buddhism and sangha has changed significantly due to these factors.

Keywords: religion, sangha, Buddhism, Mongolia, post-socialism, political process